

Библиография / References

- [Агамбен 2012] — *Агамбен Дж.* Homo Sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М.: Европа, 2012.
- (*Agamben G.* Il potere sovrano e la nuda vita. Moscow, 2012. — In Russ.)
- [MacLaury 1995] — *MacLaury R.E.* Vantage theory // Language and the Cognitive Construal of the World / Ed. by J.R. Taylor, R.E. MacLaury. Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 1995. P. 231—276.
- [Nicholls 2013] — *Nicholls P.* Hard and Soft Modernism: Politics as “Theory” // A Handbook of Modernism Studies / Ed. by J.-M. Rabaté. West Sussex: Wiley-Blackwell, 2013. P. 15—33.
- [Pound 1968] — *Pound E.* Literary Essays / Ed. by T.S. Eliot. London: Faber and Faber, 1968.

Денис Ларионов

Необходимая работа¹

DOI: 10.53953/08696365_2021_172_6_201

1

Виталий Лехциер принадлежит к немногочисленной, но неуклонно расширяющейся в последнее время плеяде авторов, чья работа не сводится к созданию только лишь замечательных поэтических текстов, а включает и сложную, многоступенчатую рефлексивную о сущности творческого акта и месте поэзии в современном мире. В случае Лехциера эта рефлексия связана с многолетней преподавательской и исследовательской деятельностью в рамках академических институций, посвященной широкому кругу вопросов в диапазоне от феноменологии письма до философских оснований медицины; результаты этой работы представлены как в рассматриваемой книге «Поэзия и ее иное», так и в вышедшей несколькими годами ранее монографии «Болезнь: опыт, нарратив, надежда»². Разные по объему, формату и поставленным задачам, эти книги сходны в общей эпистемологической установке на преодоление больших нарративов раннего модерна в пользу «речевой реабилитации каждого», объединяющей как субъектов медицинского вмешательства, так и субъектов поэтической речи.

В то же время неизбежно возникает вопрос: в каких отношениях столь плотная укорененность в академическом дискурсе сочетается с поэтическим письмом самого Виталия Лехциера? Подобный вопрос может (и)оказаться не-

---

1 Работа выполнена за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00205 «Поэт и поэзия в постисторическую эпоху»).

2 *Лехциер В.Л.* Болезнь: опыт, нарратив, надежда. Очерки социальных и гуманитарных исследований медицины. Вильнюс: Logvino literaturos namai, 2018.

принципиальным (хорошие стихи философа или социолога могут никак не соотноситься с его профессиональными интересами) или вовсе бестактным (профессор философии сочиняет стихи ситуативно, не претендуя на литературную ценность и серьезность высказывания), но в случае Лехциера он исключительно важен. И дело, разумеется, не в том, что его стихи тем или иным образом иллюстрируют его же философские или социологические тексты. Нет, этого не происходит. Скорее, адресованные разным аудиториям тексты вступают в сложный дискурсивный симбиоз, позволяющий рассмотреть ту или иную проблему с разных, недоступных другому «языку», сторон: опубликованные в разных изданиях поэтический и академический (философский, социологический) тексты взаимно комментируют друг друга. Как это происходит? Позволю себе небольшую цитату из собственного предисловия к вышедшей в 2019 году поэтической книге В. Лехциера «Своим ходом: после очевидцев»: «Так, например, разбору понятийного неологизма *emplotment* посвящены и академическая статья, и поэтический текст Лехциера: в первой он подробно рассматривает влияние феноменологической философии на территории нарративного взаимодействия в медицинской практике, а во втором один из обсуждаемых в статье примеров, история некоего Стивена, постепенно “возвращающегося в мир людей” после тяжелейшей аварии, рассказывается с близкой дистанции»³. Другими словами, поэтическая оптика (в пику аналитизму академического письма) позволяет приблизиться к субъекту, стать участником коммуникации, выявить принципиальную для Лехциера «ситуированность... любого опыта, а тем более высказывания. Высказывание — плоть опыта, его фактическое осуществление» (с. 55). Отказываясь от онтологической заданности произведения, Лехциер выходит в непредсказуемое поле текста как коммуникативного взаимодействия, делая поэтическое высказывание инструментом анализа глубинных социальных процессов. По-видимому, подобная концептуальная позиция восходит к классическим работам Валентина Волошинова 1920-х годов, особенно к его статье «Слово в жизни и слово в поэзии» (1926) с ее восприятием поэтической речи исключительно как формы специфической коммуникации, невозможной без «особой жизненной речи», в которую уже «заложены потенции (возможности) будущей художественной формы»⁴. В этой связи кажется закономерным, что отсчет истории современной поэзии для Лехциера начинается с поэтов лианозовской группы, главным образом Всеволода Некрасова, стремившегося обнаружить в обыденной речи следы поэтического слова.

Нельзя не отметить и то, что концепция Лехциера достаточно сильно отличается от позиции другого последователя волошиновской металингвистической теории — Павла Арсеньева, успешно сочетающего академическое и поэтико-артистическое амплуа на базе критического осмысления исторического авангарда и актуализирующего новые формы ангажированности; Лехциер же дрейфует в сторону близкой республиканизму коммуникативной утопии, где каждая и каждый имеют возможность высказаться и быть услышанными. При этом для Лехциера-поэта начиная с 1990-х годов было важно, что поэтическая

3 Ларионов Д. Такая ситуация // Лехциер В. Своим ходом: после очевидцев. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 8.

4 Волошинов В. Философия и социология гуманитарных наук. СПб.: Acta-press, 1995. С. 64–65.

речь не помещается в концептуалистскую рамку, но поднимается из бездонных глубин «жизненного мира», в котором происходит обсуждение возможности диалога:

Рядом сядь. Говори, говори, но сядь.
Прихоть? Прихоть. Исполни же эту прихоть.
Посиди пять минут, ну замри хоть.

И ты считаешь, что я не прав?
Тогда поставь саундтрек с дудуком,
как тебе сбор парагвайских трав?

Чистый чабрец, подожди, не пей,
подожди, Wedding dance или Strange and Empty,
помнишь магическое: Измаил-бей

И на холсте венеция каждый день
не успокаивает, наоборот, заводит,
так и ты наводишь тень на плетень⁵.

2

Разумеется, концептуальная рамка книги «Поэзия и ее иное» держится не только на разработках Валентина Волошинова. Написанные в разные годы и по разным поводам, статьи Лехциера опираются на достаточно широкий контекст рефлексии над природой эстетического вообще и поэтического в частности. Помимо социологической поэтики и, шире, академической социологии, важной для Лехциера является феноменологическая традиция философствования: так, например, одну из программных статей с красноречивым названием «Поэзия и феноменология» он начинает с сильного тезиса о том, что «поэтический опыт близок опыту феноменолога, а современная поэзия родственна феноменологии по своим задачам» (с. 78). Отталкиваясь от сходного тезиса Гуссерля, который, конечно, имел совсем иную «мотивацию» для сближения поэзии и философии, Лехциер утверждает, что «иногда поэты самостоятельно... практикуют в стихах “дескриптивную эйдетику” феноменов, обращают свое внимание на конститутивную активность сознания, осуществляют экзистенциальную аналитику, наконец, решаются на социальную феноменологию, выявляя типичные структуры жизненного мира и документируя эффекты естественной установки...» (с. 74). Лехциер бросает стремительный взгляд на американскую, немецкую и русскоязычную поэзию прошлого века и сопутствующие им философско-эстетические размышления: исходной точкой для него становится пионерское по своей сути исследование Кэте Хамбургер (увы, до сих пор не переведенное на русский) о «лирической эпистемиологии» Р.М. Рильке, а останавливается (слово *заканчивается* здесь не совсем подходит) его обзор на недавнем прочтении философами Георгием Чернави-

---

5 Лехциер В. Поэты Самары // Воздух. 2007. № 2 (<http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2007-2/samara/>).

ным и Натальей Артёменко (независимо друг от друга) поэзии Д.А. Пригова. Впрочем, сами поэты и художники не отстают от философов и самостоятельно обращаются к феноменологическим стратегиям мысли. Помимо уже названного Пригова, Лехциер обращается к текстам и акциям Андрея Монастырского и группы «Коллективные действия», которые «практиковали “пустые акции”, направленные на демонстрацию различных состояний сознания, их времени и процессуальности» (с. 84), а также к текстам Аркадия Драгомощенко, который «по-гуссерлиански отслеживает самые разные ноэтические акты, протекающие в сознании» и «анализирует “элементы зрения”, “опыт описания изолированных предметов”, бесконечный поток когитаций и их интенциональных эффектов» (с. 89). Впрочем, Лехциер обнаруживает феноменологические операции не только у поэтов, имеющих славу «сложных» и «темных», но и у тех авторов, кто обращается к анализу повседневного опыта в самом привычном его понимании. Так, например, статья о поэзии и феноменологии заканчивается образцовым анализом поэтических травелогов Александра Бараша, который отказывается от оптики туриста в пользу «опыта современного путешественника... нацеленного на открытое познание/признание другого, а в конечном итоге на такой образ жизни, которому свойственна новая беспочвенность... принципиальное трансцендирования “я”, поиск и проблематизация “себя”, своей исторической и персональной фактичности» (с. 96).

С повседневным опытом человека работает и документальная поэзия (docupoetry) — одно из самых интересных явлений в актуальной российской литературе последних лет, получившее в статье Лехциера «Экспонирование и исследование, или Что происходит в новейшей документальной поэзии...» оригинальное теоретическое выражение⁶. Отталкиваясь от концепции американского теоретика документальной поэзии Д. Харрингтона, Лехциер определяет docupoetry довольно просто — как работу поэта «с уже имеющимися документами» (с. 102). С одной стороны, подобное определение бесконечно расширяет пространство работы поэта, ведь статус документа может быть присвоен самым разным свидетельствам и артефактам (что Лехциер показывает в отдельных статьях, посвященных документальным текстам Марии Малиновской и Александра Авербуха), с другой — усложняет его или ее задачу в плане этики, ведь символическая граница между свидетелем или посредником и непосредственным участником событий (который, по-видимому, соответствует автору «в старом смысле») ничтожно мала. Производя философский и поэтологический анализ документальности, Лехциер апеллирует к опыту Марка Новака и других американских поэтов-документалистов, для которых поэтическое произведение (как правило, они пишут огромными циклами или книгами) соответствует реальному политическому действию, направленному на защиту прав определенных социальных групп, или исследовательской работе, посвященной реинтерпретации отдаленных от нас исторических событий.

Переплетение, нерасторжимость поэтического опыта и философских практик для Лехциера ни в коем случае не интеллектуальная мода и не локальное явление, характерное для русскоязычной или американской поэзии. Понятая

6 Другим важным исследованием, по сути впервые поставившим проблему документальной поэзии в современной русской поэзии, является статья Ильи Кукулина «Documentalist strategies in contemporary Russian poetry». В своем тексте Лехциер неоднократно ссылается на нее.

в самом широком смысле, исследовательская направленность современной поэзии на любом (европейском) языке возникает в тот же период, когда во второй половине XX века начинается смена парадигм в гуманитарных науках. Поэт оказывается носителем «постметафизического мышления», а творческий акт уже не сводится к отказу от посюсторонней реальности в пользу трансцендентности. Более того, Лехциер выдвигает важный тезис о том, что сопротивляться метафизическому суждению искусство начало не сегодня и не в период расцвета модерна, но «с момента осознания своей специфичности», который Лехциер отсчитывает не с оформления эстетики как отдельной дисциплины в XVIII веке, но с появления полотен Яна ван Эйка и Веласкеса, которые оказываются не только «высказываниями о мире», но и «аналитикой условий живописного опыта» (с. 59). В новейшей же поэзии образуется «ситуативная поэтическая субъективность, рождающаяся в жизненно-речевых обстоятельствах, по ту (или эту) сторону “больших нарративов” и трансцендентно заведенного механизма легитимации» (с. 57). Согласно Лехциеру, подобная поэтическая субъективность «насквозь социальна, политична и никогда не отказывается от своего места в социуме» (там же). Эти суждения Лехциер высказал почти десять лет назад и многократно уточнял в полемических выступлениях. Честно говоря, я не знаю более точных и обнадеживающих слов о месте и смысле поэтической работы сегодня, в середине 2021 года.

Алла Горбунова

Сумерки коммуникации

(В ПОИСКАХ ДРУГОГО МЫШЛЕНИЯ
И СУБЪЕКТА ПОЭЗИИ)

DOI: 10.53953/08696365_2021_172_6_205

Я с большим интересом прочитала книгу Виталия Лехциера «Поэзия и ее иное». Мне очень понравился анализ конкретных вещей, который проводит Виталий: поэтики черновика как вариативного, бифуркационного письма, или того, что означает чужая речь в современной поэзии, — или то, как Виталий пишет о других поэтах. Но у меня возникают проблемы с общей рамкой, которую Виталий накладывает на эти вещи.

Честно признаюсь, что само направление мышления, ориентированное на коммуникативные и социальные практики в хабермасовском изводе, мне не близко. Так же не до конца мне понятен статус предлагаемого «постметафизического мышления»: идет здесь речь об описании философских оснований определенного типа интеллектуальных и творческих практик, включая практики ряда современных поэтов, или в это понятие встраивается некий порядок предпочтения и превосходства, подразумевающий, что эти практики более со-